

Коммуникативные аспекты кризиса семьи как социального феномена

А. Н. Фортунатов¹, А. А. Фоменков^{1,2}

¹ Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

² Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение. В социально-философских, исторических, культурологических, религиозных трактовках феномена семьи существуют устойчивые траектории рефлексии, складывавшиеся порой веками и превратившиеся в своеобразные смысловые императивы. В современных реалиях многие положения такого рода перестают быть актуальными. В статье рассматриваются коммуникативные аспекты кризиса семьи как социального феномена.

Содержание. Коммуникативная революция стала отражением десубъективации социального взаимодействия: «умные» машины все больше забирают на себя права принятия решений, человек превращается в фиктивную, пустую оболочку самого себя и, соответственно, прежняя социальная его значимость (статусность), равно как и физиологизм, перестают иметь значение для формирования парадигмы гендерных отношений. Все более актуальным становится состояние непохожести, альтернативности и даже девиантности в сравнении с существовавшими до недавнего времени социальными нормами. Более глубокий анализ причин этих процессов выходит за рамки данного исследования. Здесь же скажем, что гомосексуальность в различных ее проявлениях сегодня сопровождается манифестируемыми, широко рекламируемыми, медийно обеспеченными акциями (достаточно вспомнить в многочисленных ЛГБТ-карнавалы^{*}, проходящие в различных странах современного Запада, чтобы понять активизацию коммуникативного обеспечения этих акций).

Сегодняшнее состояние указанной тенденции напрямую связано с философией трансгуманизма, декларирующей приемлемость сосуществования человека и машины, а стало быть, совместную жизнь человека и робота, подразаумевающую, в частности, в перспективе подчиненную роль человека (киберархат, где человек заведомо «глупее», нерасторопнее, неряшливее, наконец несовершеннее своего «киберполового» партнера). В результате сравнительного анализа можно сказать, что коммуникативная революция XX в. стала в прямом смысле гендерной и социальной революцией, выразившейся в сломе традиционных семейных ценностей. На место социальной традиции пришел коммуникативный эксперимент, на место идеалов – медийно обеспеченные, динамические симулякры, на место семейных ценностей – индивидуализация и фетишизация альтернативности.

Выводы. Исходя из обозначенных тенденций, можно сделать вывод, что указанное нами свойство коммуникации как технотронного феномена, агрессивно воздействующего на объективную реальность, станет определяющим в ближайшие десятилетия с точки зрения смысловой деконструкции и социального демонтажа ещё существующих семейных традиций. В настоящее время столкновение социального и коммуникативного, их противоборство, разрешается в пользу коммуникативного.

Ключевые слова: семья, киберархат, коммуникация, социальность, трансгуманизм, этика.

Для цитирования: Фортунатов А. Н., Фоменков А. А. Коммуникативные аспекты кризиса семьи как социального феномена // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 1. – С. 98–111. DOI: 10.35231/18186653_2024_1_98. EDN: SWSHDT

* Международное общественное движение ЛГБТ запрещено и признано экстремистским в Российской Федерации.
© Фортунатов А. Н., Фоменков А. А., 2024

Communicative Aspects of the Family Crisis as a Social Phenomenon

Anton N. Fortunatov¹, Artyom A. Fomenkov^{1,2}

¹ Nizhnij Novgorod Lobachevskij State University,
Nizhnij Novgorod, Russian Federation

² Nizhnij Novgorod Linguistics University,
Nizhnij Novgorod, Russian Federation

Introduction. In the socio-philosophical, historical, cultural, and religious interpretations of the phenomenon of the family, there are stable reflection trajectories that have sometimes developed over centuries and turned into peculiar semantic imperatives. In modern realities, many provisions of this kind cease to be relevant. The article examines the communicative aspects of the family crisis as a social phenomenon.

Content. The communicative revolution has become a reflection of the social interaction desubjectivation: "smart" machines increasingly take over decision-making rights, a person turns into a fictitious, empty shell of himself and, accordingly, his former social significance (status), as well as physiologism, cease to be important for the formation of a gender relations paradigm. The state of dissimilarity, alternativeness and even deviance is becoming more and more relevant in comparison with the social norms that existed until recently. A deeper analysis of the causes of these processes is beyond the scope of this study. Let's say here that homosexuality in its various manifestations today is accompanied by manifesto, widely advertised, media-backed actions (it is enough to look closely at the numerous LGBT* carnivals taking place in various modern West countries to understand the intensification of the communicative support of these actions).

The current state of this trend is directly related to the transhumanism philosophy, which declares the acceptability of the man and machine coexistence, and, therefore, the joint life of man and robot, implying, in particular, in the long term, the subordinate role of man (cyberarchy, where a person is obviously "stupider", slower, sloppier, finally, is more imperfect than its "cyber-sexual" partner).

As a result of a comparative analysis, it can be said that the 20th century communicative revolution has literally become a gender and social revolution, expressed in the breakdown of traditional family values. In place of social tradition came a communicative experiment, in place of ideals – media-secured, dynamic simulacra, in place of family values – individualization and fetishization of alternatives.

Conclusions. Based on these trends, it can be concluded that the property of communication indicated by us as a technotronic phenomenon that aggressively affects objective reality will become decisive in the coming decades in terms of semantic deconstruction and social dismantling of still existing family traditions. Currently, the clash of the social and the communicative, their confrontation, is resolved in favor of the communicative.

Key words: family, cyberarchy, communication, sociality, transhumanism, ethics.

For citation: Fortunatov, A. N., Fomenkov, A. A. (2024) Kommunikativnye aspekty krizisa semi' kak sotsial'nogo fenomena [Communicative Aspects of the Family Crisis as a Social Phenomenon]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 98–111. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_1_98. EDN: SWSHDT

* The International LGBT Rights Movement is banned and declared as extremist in the Russian Federation.

Введение

В социально-философских, исторических, культурологических, религиозных трактовках феномена семьи существуют устойчивые траектории рефлексии, складывавшиеся порой веками и превратившиеся в своеобразные смысловые императивы. Так, христианская традиция закрепляет определенный статус отношений мужа и жены, воспринимаемый как данность, как нечто, не подлежащее критическому осмыслению. В Новом Завете сформулированы крайне значимые на протяжении многих веков принципы семейной жизни: «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф. 5:33); «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость» (Еф. 6:1) [3]. В отечественных реалиях эти положения во многом были конкретизированы «Домостроем», в том числе большое внимание уделялось подготовке девочки в семье к будущему замужеству [1, с. 72].

Философы и социальные психологии строят свои теории, опираясь на «идеалистическую» или «прагматическую» парадигмы. Так, в западной традиции, как указывают исследователи, существует прагматическая цель: «*Matrimonium*, то есть *matris munus* (букв. обязанность материнства), сущность брака указывает в материнстве» [8, с. 4]. В это же время «в российских семьях исторически на первый план выходят духовные ценности семьи (как регулятор поведения) такие как: вера, целомудрие, верность, заботливость, взаимное уважение, терпение, жертвенность, самоотвержение, благочестие, родительство и др.» [4, с. 87]. Однако при разнообразии точек зрения в семейной аксиологии нет чётких ответов на вопрос о причинах современного кризиса семьи, глубинных трансформациях отношений супругов.

Как пишет Бруно Латур, «социологи, относя прилагательное “социальный” к тому или иному феномену, обозначают им некое устойчивое состояние, комплекс связей, который потом может быть использован для описания какого-то другого феномена» [5, с. 12]. Перенося это утверждение в область философско-антропологической рефлексии по поводу семьи, можно говорить о том, что семья как ячейка, «строительный материал» социального, выступает как призма для оценки процессов, происходящих в обществе, в политике; она может служить плацдармом для научного штурма проблем биологи-

ческих и популяционных процессов, генетики и антропологической эволюции. Но при этом социальность семьи становится и серьезным ограничением, закрывающим иные горизонты для исследовательского интереса, что в общем и понятно: обширность областей для интерпретации семьи поистине безгранична и в этом смысле стоит ли прикладывать усилия для того, чтобы отыскать нечто альтернативное?

Содержание исследования

Следует отметить определенный консерватизм в концептуальном восприятии семьи. Внутрисемейные отношения трактовались (очевидно, в силу традиции) прежде всего в их статусном эквиваленте: таким образом, были достаточно рельефны и наглядны «роли» мужа, жены, ребенка и их эволюция с течением времени. При этом сами отношения выглядели лишь как данность, как некий материал для выстраивания статусных различий.

Однако рассмотренные сквозь призму коммуникации, эти отношения, порождающие различия, оказываются источником глубинных социокультурных процессов, обретающих все большее влияние не только и не столько на самих членов семьи, сколько на общественное восприятие семьи как феномена, в котором сходятся в гармоничную целостность личностное и общественное, возвращаясь в семью в виде модных тенденций, общепринятых шаблонов поведения. Слово «гармоничная» употреблено здесь отнюдь не в ироническом ключе (если учитывать злободневную проблематику «краха семьи»), поскольку в коммуникативном ракурсе, как мы продемонстрируем в данной статье, в эволюции семьи не наблюдается столь острых противоречий, которые обнаруживаются в классических парадигмах научной рефлексии.

Также следует отметить определенный акцент в понимании коммуникации как своеобразного «клея», соединяющего внешне антагонистические социальные феномены. *Коммуникация понимается нами как информационное взаимодействие между социальными субъектами, опирающееся на актуальные технологии, объективирующие такое взаимодействие.* «Коммуникация моделирует свой образ человека, выстраивающего вокруг себя соответствующий мир. Технологическая детерминированность, опора на субъективированную, оторванную

от традиционных социальных норм и принципов информации – таковы некоторые из принципов такой онтологии» [9, с. 38–39]. Именно в таком состоянии коммуникация становится современным эквивалентом социальности, поскольку, будучи обеспеченной все более изощренными технологиями, превращается в саморазвивающийся, рекурсивный процесс, все больше удаляющий традиционного социального субъекта из центра формирования социальных смыслов. Изначальная суть коммуникации – в конституировании различия между взаимодействующими субъектами. Однако в процессе развития (социализации) эти различия подвергались регламентации и установлению определенных порядков (технологий) их разрешения и развития. В коммуникативном смысле семья является одновременно как драйвером развития, так и способом объединения взаимодействующих субъектов. Именно коммуникативные регламентации являются здесь важнейшими «скрепами».

Следует добавить еще один важный аспект, связанный с пониманием коммуникации. Указанное нами фундаментальное ее свойство – технологизированное информационное взаимодействие, продолжая и развивая традиционную линию осмысления этого многоаспектного феномена, до нынешнего времени не учитывало важнейших особенностей этого взаимодействия, лежащих в области аксиологии и этики. Мы назвали бы эти особенности экспансионистскими, агрессивными взаимодействиями, которые, при всей их неизбежности и необходимости для социального развития, все-таки являются еще и продолжением индивидуальных интенций, экспликацией активно воздействующей роли личности в отношении окружающего ее мира.

В этом смысле коммуникацию можно сравнить со сферой технологий, которые на протяжении истории давали возможность человеку не просто взаимодействовать с природой, а активно на нее воздействовать, потреблять ее. Коммуникативные же технологии ориентированы прежде всего не на материальный мир, а на сферу духовного, на сознание, на субъективную реальность, которая также подлежит личностному освоению.

Мы неслучайно подчеркиваем технологизм коммуникации как фундаментальное ее качество: фактически технологии и коммуникация являют собой неразрывное целое, относящееся к сфере реализации активности человека, при этом, однако,

их направленность не может быть признана тождественной. И сегодня технологизация, сугубый механицизм динамики социального, культурного и духовного являются отражением этого симбиоза. Гуманистические ценности в этом контексте являются своеобразным фронтиром, который атакуют информационные технологии. Ценности семьи, как один из значимых элементов гуманизма, становятся, пожалуй, одной из самых близких целей воздействия. Таким образом, семейная коммуникация (как коммуникация семьи с социумом, так и коммуникация внутри самой семьи) в ее нынешнем виде содержит аксиологические риски для дальнейшего развития социального института семьи.

Имеет смысл выявить некоторые этапы эволюции коммуникативных технологий в границах семьи, которые переводят ее из сферы сакрального в пространство технологической релятивации. Обозначим для этого методологическую линию нашей рефлексии. Продолжая латуровскую экстраполяцию социологического на «все живое», мы хотели бы проделать это же с *коммуникацией*, понимая под ней разнообразные формы взаимодействия и передачи информации. Метод, используемый нами, можно назвать «историко-коммуникативным». В традиционно-академическом стиле мы будем придерживаться принципов сравнительного анализа социальных и коммуникативных аспектов внутрисемейных отношений. Ключевая проблема состоит в том, какое качество, какое состояние коммуникации является определяющим для констатации кризиса семьи как социальной единицы («ячейки общества»).

На примерах из отечественной истории наше внимание концентрируется на эволюции семейной коммуникации с точки зрения трансформации коммуникативных ролей (от патриархата до феминизма). Скудость и неразвитость коммуникативных отношений внутри семьи на протяжении веков коррелировали с системой производственных отношений и соответствующей им социальной иерархией. Ритуализированный консерватизм социального воспроизводства выступал своеобразной гарантией, или защитной матрицей для поступательного развития социума, в котором традиции являлись важнейшим элементом передачи опыта как в социально-экономическом, так и в морально-нравственном, ценностном отношении. Новации, в том числе и технологические, являлись прерогативой образованных, обе-

спеченных слоев. И в этом контексте «самородки» из простых людей, типа Кулибина или вымышленного Левши у Лескова, не могли сами реализовать свои потенции и становились известными лишь благодаря покровительству меценатов.

Это обстоятельство существенным образом оказывало влияние и на способы коммуницирования внутри малых социальных групп и прежде всего в семьях. Как справедливо отмечалось исследователями, «нормы, регулирующие внутрисемейные отношения, зафиксированные в Домострое, в крестьянской семье удержались вплоть до начала XX в. Устойчивой оказалась и иерархическая структура расширенной патриархальной семьи» [7, с. 50]. Что касается других сословий, в том числе и дворян, то признаем, что «существо внутрисемейной иерархии на протяжении столетий определялось безропотным подчинением младших членов семьи старшим, жен – мужьям, детей – родителям при строгой фиксации обязанностей каждого члена семейной структуры» [7, с. 49].

Более высокое положение мужчины в социуме выражалось в том числе и в отношениях с женщинами. Неслучайно, что «со времен Петра I ушли в прошлое браки по принуждению, однако в целом сохранялись прежние традиции: жених спрашивал в первую очередь позволения своих родителей на женитьбу, затем объяснялся с родителями невесты, и только потом спрашивал согласия девушки» [4, с. 90]. Разумеется, вести речь о полностью бесправном положении незамужней молодой женщины было нельзя [11, с. 74], однако утверждать ее полную самостоятельность вряд ли стоит.

Что касается брачного возраста, то лишь в 1830 г. таковой был установлен в 18 лет для молодых людей и в 17 для девушек. В 1836 г. был упорядочен процесс бракосочетания между лицами разных вероисповеданий. Укажем также, что главным нормативно-правовым актом, регулировавшим процесс заключения и расторжения брака, являлись регламентации в десятом томе «Свода законов Российской империи». До этого времени женитьбы несовершеннолетних – прежде всего в крестьянской среде – были распространенным явлением. Нельзя не упомянуть, что предбрачные отношения между потенциальными супругами также были сопряжены с рядом ритуалов. Так, «обязательным атрибутом брака являлся институт сватовства» [4,

с. 90], весьма негативно оценивались так называемые «тайные» браки – т. е., без согласия родителей и с отъездом [11, с. 79].

Важно отметить, что инициатива по началу отношений в прошлом принадлежала именно мужчинам. Описанная А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине» ситуация с письмом Татьяны Онегину выглядела в начале позапрошлого века поистине революционной. Связано это с тем, что «реальные бытовые нормы поведения русской дворянской барышни начала XIX в. делали такой поступок немислимым: и то, что она вступает без ведома матери в переписку с почти неизвестным ей человеком, и то, что она первая признается ему в любви, делало её поступок находящимся по ту сторону всех норм приличия. Если бы Онегин разгласил тайну получения им письма, репутация Татьяны пострадала бы неисправимо» [6, с. 230]. Попутно признаем, что А. С. Пушкин был не только реформатором русского языка, он также причастен к реформированию гендерных коммуникаций в русском обществе.

Весьма интересно зафиксированы брачно-семейные отношения в пореформенной России Л. Н. Толстым в романе «Анна Каренина». Как известно, «после Петровских реформ в России был узаконен развод, но требовались серьезные причины для расторжения брака» [4, с. 90]. Тем не менее, общество осуждало Анну Каренину за официальный разрыв с мужем. При этом же адюльтер, особенно между женщиной-дворянином и женщиной более низкого происхождения, был явлением вполне обыденным и даже за пределами семейного круга не очень осуждаемым.

Что же касается «подлых» сословий, то на внутрисемейные коммуникации влиял ряд факторов. Во-первых, жить приходилось в крупных семьях, причём для эффективного проживания (а то и откровенного выживания) требовался в повседневной жизни как мужской, так и женский труд. Во-вторых, семьи, как правило, состояли из людей трех-четырёх поколений. В-третьих, большое влияние на брачно-семейные отношения оказывали обычаи и традиции. В-четвёртых, выживание в одиночку было делом крайне сложным; кроме того, негативным было отношение даже к одиноко живущим мужчинам (слово «бобыль» отнюдь не являлось комплиментом).

В целом признаем, что отношения между супругами и шире – в семьях в целом – могли быть как близкими к хри-

стианскому идеалу, так и весьма далёкими от такового (такая форма внутрисемейных отношений, как снохачество, была весьма распространённой в отечественных реалиях [2, с. 77]). Другое дело, что формально браки были крепкими – если брать лишь внешние показатели и в первую очередь количество разводов. Пословицы и жизненные установки по принципу «стерпится – слюбится», «сор из избы не выносить», «бьёт – значит, любит» и т. д. характеризовали многие стороны семейной жизни весьма красноречиво, причём не с лучшей стороны, но, подчеркнем, фиксировали как данность сложившиеся отношения, не подлежащие тщательному обсуждению.

Ритуализация форм коммуникативного взаимодействия членов семьи снимала с этих отношений необходимость размышлений по поводу их значения, превращая обмен информацией в «подчиненный» формат обеспечения социального статуса, экономического положения, даже политического влияния (вспомним династийные браки). Собственно коммуникация в чистом виде сама по себе становилась формой девиации, способом выхода за пределы устойчивых границ социальной эволюции. В ироническом рассказе раннего А. П. Чехова «Умный дворник» есть характерная зарисовка: герой рассказа, дворник Филипп, поучает домашнюю челядь, кухарок и лакеев, тому, что надо читать и самообразовываться, тем самым демонстрируя собой образ прогрессивного, широкомыслящего лидера семьи (ирония Чехова в отношении этого персонажа очевидна). Однако сам Филипп, выйдя «на часы», читает весьма специфический текст «Разведение корнеплодов. Нужна ли нам брюква», который, естественно, свергает его в сон. В результате он получает нагоняй от полицейского чина и, возвратясь домой, на кухню, застаёт домашних за добросовестным слушанием книги, которую по слогам читал маленький Миша после наставлений дворника. Рассказ заканчивается выразительным жестом Филиппа: нахмуренный, красный, он подходит к Мише, бьет рукавицей по книге и приказывает бросить это занятие. Характерное столкновение коммуникативных и семейных ценностей! [10, с. 66–68].

Возникает вопрос: в какой же момент семейная коммуникация превратилась в самостоятельную, эмансипированную от социальных реалий структуру, и какие факторы этому способствовали? С точки зрения развития медиа как технологических

посредников информационного взаимодействия, эти процессы активно начали развиваться в 1950-е гг., когда электронные средства массовой информации – прежде всего, телевидение – сделали возможным формирование нового социального субъекта, присутствующего в коммуникативной реальности, но не проживающего ее в качестве своего антропологического опыта. Отсюда – постепенная виртуализация субъекта, осведомленного, но не наличествующего, не имеющего истории (и, соответственно, не обремененного традициями), не имеющего соответствующих обязательств, словно поставленного перед фактом происходящего социального события и одновременно ставящего перед фактом своего присутствия социальное окружение. Виртуализация и индивидуализация субъекта были параллельными процессами, приводившими к фундаментальным изменениям во всей системе социальных ценностей.

Естественно, что эти изменения не могли не коснуться семьи, которая сама превратилась в симулируемую сущность, в социальный «концепт», который можно (и нужно было) наполнить коммуникативно детерминированными, индивидуалистическими смыслами. Именно здесь традиционалистские подходы становились поводом для переосмысления, торпедирования, высмеивания, чтобы интенсифицировать коммуникативную идентификацию на их фоне. Так, например, нещадно эксплуатируемый в 1950-е гг. прошлого века американскими СМИ образ «идеальной домохозяйки», гротескно доводящий до абсурдного предела императивы христианской этики, долгое время служил эталонным форматом для эффективной рекламы, но именно он стал мишенью для феминистских атак.

Обратим внимание: одной из важнейших акций феминизма первой волны была псевдогражданская цензура средств массовой информации. Шла массовая рассылка писем-предупреждений в адрес тех медиа, которые использовали явный или надуманный «сексизм» для продвижения своих товаров. Феминистский «главлит» стал грозным оком, следившим за сменой устоявшихся традиций. Экспериментирование с форматами семьи, равно как и пресловутая сексуальная революция, были следствием смены приоритетов: от традиционализма – к коммуникативизму. В этом же ряду стоит и известное движение «чайлдфри», ставшее продолжением феминизма

первой волны, с сознательным отказом от детей (впервые эта идеология была сформулирована в 1972 г. феминистками Ширли Радл и Элен Пек). Другими словами, коммуникативные способы продвижения контргуманистических социальных концептов не были лишь «технологиями пропаганды», как это принято считать, а являли собой собственно воплощение идеологии коммуникативной ревизии прежних традиций.

Коммуникативная революция стала отражением десубъективации социального взаимодействия: «умные» машины все больше забирали на себя фундаментальные права принятия решений, человек превращался в фикцию самого себя и, соответственно, прежняя социальная его значимость (статусность), равно как и физиологизм, переставали иметь значение для формирования парадигмы гендерных отношений. Все более актуальным становится состояние непохожести, альтернативности и даже девиантности в сравнении с существующими (существовавшими до недавнего времени) социальными нормами. Более глубокий анализ причин этих процессов выходит за рамки данного исследования. Здесь же скажем, что гомосексуальность в различных ее проявлениях сегодня сопровождается манифестируемыми, широкорекламируемыми и медийно обеспеченными акциями (достаточно всмотреться в многочисленные ЛГБТ-карнавалы¹, проходящие в различных странах современного Запада, чтобы понять масштабы коммуникативного обеспечения этих акций).

Сегодняшнее состояние указанной тенденции напрямую связано с философией трансгуманизма, декларирующей приемлемость сосуществования человека и машины и, стало быть, совместную жизнь человека и робота, подразумевающую, в частности, в перспективе подчиненную роль человека (*киберархат*, где человек заведомо «глупее», нерасторопнее, неряшливее, наконец несовершеннее своего «киберполового» партнера).

Можно сказать, что коммуникативная революция XX в. стала в прямом смысле гендерной и социальной революцией, выразившейся в сломе традиционных семейных ценностей. На место социальной традиции пришел коммуникативный эксперимент, на место идеалов – медийно обеспеченные динамиче-

¹ Международное общественное движение ЛГБТ запрещено и признано экстремистским в Российской Федерации.

ские симулякры, на место семейных ценностей – индивидуализация и фетишизация альтернативности [9, с. 62].

Выводы

Указанное в начале статьи свойство коммуникации как агрессивно воздействующего на объективную реальность технотронного феномена, исходя из обозначенных тенденций, станет определяющим в ближайшие десятилетия с точки зрения смысловой деконструкции и социального демонтажа существующих (еще) семейных традиций. В настоящее время столкновение социального и коммуникативного, их противостояние, разрешается в пользу коммуникативного. Интенсивно развивающийся искусственный интеллект, являющийся неотъемлемым элементом информационных технологий, будет лишь усиливать указанные разрушительные тенденции.

Одним из способов обеспечения объективного рассмотрения сложившейся ситуации и рефлексии по поводу её тенденций является методологическое разграничение социального (в нашем случае – семейного) и коммуникативного субъектов. Исследование принципов их существования и различной интенциональной направленности может стать важнейшей платформой для систематизации и иерархизации коммуникативных и социальных ценностей. Для этого требуется пересмотр существующей традиции рассматривать коммуникативного субъекта как продолжение, как неотъемлемую часть субъекта социального. Коммуникативный субъект демонстрирует лабильность и недостижимость для юридических, политических, социальных преследований. Социальность как технологизированная пустота наполняется коммуникативными смыслами, подрывающими любые формы сопротивления коммуникативной этике. В этом смысле формулировка чётких критериев опознания такой этики, анализ ее антигуманной направленности и способов ее проявления должны стать первым шагом на пути возрождения про-гуманистического понимания перспектив развития современного общества.

Важной разграничительной линией между традиционной и коммуникативной моделями семьи является темпорологическая характеристика межсубъектного взаимодействия. Коммуникация строится на технологическом манипулировании

пространством и временем, в то время как семейные ценности опираются на принципы фиксации «здесь и сейчас» на вневременном характере идеалов и человеческих состояний.

В данном исследовании мы не являемся пессимистами: очевидно, что новые способы культурного освоения темпорологических сигналов могли бы способствовать упрочению традиционных семейных ценностей – через воспитательные программы, через усиление эстетического компонента в формировании принципов нового гуманизма.

Список литературы

1. Анохина О. А. Истоки нравственности и морали на Руси, как урок старших поколений // *Инновационное образование и экономика*. – 2015. – № 19. – С. 70–75.
2. Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. – М.: Ломоносовъ, 2017. 237 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе. С параллельными местами.
4. Дмитриичук А. Ю. Представление о семье в русской философско-культурологической мысли // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. – 2018. – № 1 (25). – С. 85–100.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 381 с.
6. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий: пособие для учителя. – 2-е изд. – Л.: Просвещение, Ленинградское отделение, 1983. 416 с.
7. Нежгий Э. Н. Эволюция института семьи в России. Роль церкви и государства в регуляции семейно-брачных отношений // *Aspectus*. – 2016. – № 3. – С. 42–60.
8. Троицкий С. В. Христианская философия брака. – Клин: Христианская жизнь, 2001. 221 с.
9. Фортунатов А. Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиа-реальности. – Н. Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2009. 338 с.
10. Чехов А. П. Умный дворник // *Собр. соч. в 12 т. Т. 1.* – М.: Изд-во «Правда», 1985. – С. 66–68.
11. Чижикова А. С. Брачный церемониал российских дворян в XIX в. // *Вестник славянских культур*. – 2011. – № 4 (22). – С. 74–80.

References

1. Anokhina, O. A. (2015) *Istoki npravstvennosti i morali na Rusi, kak urok starshikh pokolenij* [The origins of morality in Russia, as a lesson for older generations]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika – Innovative education and economics*. No. 19. Pp. 70–75. (In Russian).
2. Bezgin, V. B. (2017) *Povsednevnyj mir russkoj krest'yanki perioda pozdnej imperii* [The everyday world of the Russian peasant woman of the late Empire period]. Moskva: Lomonosov. (In Russian).
3. Bibliya. (1990) *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta. Kanonicheskie. V russkom perevode. S parallel'nymi mestami.* (In Russian).
4. Dmitriichuk, A. Yu. (2018) *Predstavlenie o sem'e v russkoj filosofsko-kul'turologicheskoy mysli* [The idea of the family in Russian philosophical and cultural thought]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo – Humanities Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University*. No. 1 (25). Pp. 85–100. (In Russian).

5. Latur, B. (2020) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]. Transl. by Irina Polonskaya. Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russian).

6. Lotman, Yu. M. (1983) *Roman A. S. Pushkina "Evgenij Onegin": kommentarij: posobie dlya uchitelya*. Izd. 2. [Pushkin's novel "Eugene Onegin": commentary: a teacher's manual. 2nd ed.]. Leningrad: Prosveshchenie, Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

7. Nezhgij, E. N. (2016) *Evolyutsiya instituta sem'i v Rossii. Rol' tserkvi i gosudarstva v regulyatsii semejno-brachnykh otnoshenij* [Evolution of the family institution in Russia. The role of the Church and the state in the regulation of family and marital relations]. *Aspectus – Aspectus*. No. 3. Pp. 42–60. (In Russian).

8. Troitskij, S. V. (2001) *Khristianskaya filosofiya braka* [Christian philosophy of marriage]. Klin: Khristianskaya zhizn'. (In Russian).

9. Fortunatov, A. N. (2009) *Vzaimodejstvie sub"ektov sotsial'noj kommunikatsii v media-real'nosti* [Interaction of social communication subjects in media reality]. N. Novgorod: Izd-vo NNGASU. (In Russian).

10. Chekhov, A. P. (1985) *Umnyj dvornik* [Clever street sweeper]. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 1.* [Collective works: in 12 vols. Vol. 1]. Moskva: Izd-vo Pravda. Pp. 66–68. (In Russian).

11. Chizhikova, A. S. (2011) *Brachnyj tseremonial rossijskikh dvoryan v XIX veke* [The marriage ceremony of Russian nobles in the XIX century]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic cultures*. No. 4 (22). Pp. 74–80. (In Russian).

Личный вклад соавторов
Personal co-authors' contribution
50/50 %

Об авторах

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0001-6822-2003, e-mail: anfort1@yandex.ru

Фоменков Артём Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация ORCID ID: 0000-0002-9277-637X, e-mail: artjom2310@inbox.ru

About the authors

Anton N. Fortunatov, Dr. Sci (Philos.), Professor, Nizhny Novgorod Lobachevskij State University, Nizhnij Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-6822-2003, e-mail: anfort1@yandex.ru

Artjom A. Fomenkov, Dr. Sci (History), Assistant Professor, Nizhny Novgorod Lobachevskij State University; Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 000-0002-9277-637X, e-mail: artjom2310@inbox.ru

Поступила в редакцию: 20.11.2023
Принята к публикации: 15.01.2024
Опубликована: 22.03.2024

Received: 20 November 2023
Accepted: 15 January 2024
Published: 22 March 2024